

«Где она, наша станция?» – задаёт себе вопрос поэт Александр Иванович Денисенко в своей книге «Пепел». И отвечает себе и нам, читателям, всем своим творчеством, воспевая в стихах свою малую родину – деревеньку на реке Иня, Новосибирск и его окрестности, улицу Гоголя, милые поля с колокольчиками и вьюнками и лазоревую даль степных дорог, берёзовые жёлтые перелески, и рябины под окном отчего дома, и тополя за околицей: «Когда цветам кранты – поеду в Коченёво, поеду в Верх-Тулу, поеду в Сталинград. А сердце защемит, так вылезу в Линёво, где старенький вокзал да тополь-самосад», «Белым бело сегодня в НСО. Снег подвенечный падает, кочует, и тут же рядом лошади ночуют, как девушки, пока не рассвело», «Приеду я домой – окно горит в калине. Плакучая вода омоет палисад, в котором будут жить от века и донныне нездешние цветы да тополь-самосад», «Там, где солнце садится в телегу, повалюсь в голубую траву и засну под берёзовым снегом в незасыпанном полностью рву». «Небо над улицей Гоголя милое, тёмное». Какие прекрасные рифмы, какие чудесные эпитеты и сравнения, какая певучая лирика! Недаром и Москва была «взята» и признала талант новосибирского поэта Денисенко Александра Ивановича: его произведения вошли в антологию русской поэзии двадцатого века.

«Листья красные жгут мои руки, ветер слёзы мне серые рвёт!» – такие строчки и слова не стыдно было бы приписать Есенину, а их сочинил новосибирский поэт Александр

Денисенко. А такие его стихи, как «Белым-бело сегодня в НСО», «Отворите, швейцар, я во фраке пришёл», «Кони в воде по колена, черти шагают под грудь, словно сквозь синее сено вечером выбрали путь. Кудри плывут по дорожке от серебряной луны, как середина гармошки свесилась в синие льны», достойны того, чтобы положить их на музыку русских романсов, исполняемых неподражаемым Вертинским.

Читателям понятна и близка боль поэта об исчезающих деревнях: «Как заплачу я в синие ленты перед группой русских цветов за деревней, которой уж нету, лишь осталась кирпичная кровь. Вещество моё всё помирает, принимая печаль этих мест, и душа с себя тело снимает среди низко опущенных звезд».

А при чтении стихотворений Александра Денисенко «Ночная тетрадь» и «Пепел» у меня невольно появляются слёзы, тихий тоскливый вой о невозвратности бытия самых родных тебе людей – матери и отца и огромной тяжести непримиримая детская обида на отца, которую придётся нести до своего смертного часа, потому что не приняла его покаяния и не захотела простить, уже будучи взрослой при встрече с ним живым, а теперь:

Теперь пора. Дрова почти сгорели.

И день сгорел. Два клена за селом

Мне встретились и долго вслед смотрели.

Щемит сердце, когда читаешь стихотворение об отчем доме: «О, не смей, сыромятное сердце, так сжиматься от смертной тоски – в том окне, где состарилось детство – буква икс в две сосновых доски». Душа у поэта болит не только об ушедших родителях, об исчезающих русских деревнях, о судьбе Родины-России, но и о друзьях-поэтах (А. Плитченко), у которых поезд пришёл на последнюю станцию – погост...

*Чёрный снег замаячит на взгорье, и метель
дорогих деревень,
Нарыдавшись, влетёт в изголовье отгоревшую
в горе сирень...
Вот и хлынула кровь из России, вот и замерли
руки по швам –
Всем всучили, хоть мы не просили, кому срам,
кому шарм, кому шрам.*

Эстафету состоявшихся талантов подхватывают всё новые и новые провинциальные молодые русские поэты, которым Александр сочувствует, гордиться ими и немного завидует: «Скажи нам, любезный, Москва далеко? То едут на казнь молодые поэты со всей деревенской земли. Их кони шальные – в цветы разодеты. И скорость у них – чёрт возьми!»

